

НАТАЛЬЯ БОРЛУКОВА (Ижевск)

УДМУРТСКОЕ *sur* 'ПИВО'. ТЕРМИНОЛОГИЯ ПИВОВАРЕНИЯ У ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Удм. *sur* 'пиво', *śgd-sur* 'вино' (букв. 'черное пиво'), *tu-sur* 'медовуха' (букв. 'медовое пиво'), коми *sur* 'пиво', *ma-sur* 'пиво медовое' (> манс. (С) *sor* 'пиво', *sor-vit* 'водка', хант. *sar*, *sör* 'пиво домашнего приготовления') традиционно считается заимствованием из неизвестного иранского языка (Joki 1973 : 317; Rédei 1986 : 76—77), хотя форма слова соответствует индоарийскому источнику — ср., скр. *sūrā* 'хмельной напиток (из зерен)', пали, праkrit *surā* 'алкогольный напиток', маратхи, пахари *sūr* то же при авест. *hurā* 'название алкогольного напитка; молочное вино; кумыс'.

Исходя из того, что заимствование термина может быть связано с заимствованием определенных элементов материальной культуры, рассмотрим терминологию изготовления пива у финно-угорских народов, а также некоторые традиции и верования, связанные с употреблением данного напитка.

1. Термины пивоварения в прибалтийско-финских языках

1.1. 'пиво': фин. *olut*, *olu*, *olvi*; вепс. *olut*, *olud*, *oluz*; эст. *õlu*, *olu*, *õlut*; лив. *võl*, *võol* < либо балт., ср. лит. *alus* 'пиво', либо герм. **oluf* 'пиво' (SKES 428).

1.2. 'солод': фин. *imelä* 'сладкий, солод'; кар. (люд.) *imel* 'солодовая каша'; эст. *ima*, *imal*, *imalik*, *imane*, *imar*, *imav* 'сладкий', ср. саамН *âmiidi* / *hâmiide* 'имеющий очень сладкий вкус' и др. (см. ниже) < ф.-перм. **jimä(-lä)* 'солод, сладкий; сладкое тесто из солода' (UEW 634).

1.3. 'сусло': фин. *vierre* (ген. *vierteen*) 'сусло'; иж. *vērre* 'только начавшее бегать пиво'; вод. *vîrre*; лив. *viridic*; эст. *vîrre* < герм. (сканд.) **wertesz-* (> **wirtiz-*) то же (SKES 1728).

1.4. 'хмель': фин. *humala*; кар. *humala*, *humaldu*; вепс. *humal*, *humā*; эст. *humal*, *humalas* < герм., ср. швед. *humle* и т.д. (возможно, германский корень < слав. **xǔmelǐ*) (SKES 86); следует ли исключать возможность непосредственного заимствования из славянских?

Таким образом, названия основных компонентов пива заимствуются из германских, балтских, славянских (?) языков и лишь название солода, которое является производным от понятия 'сладкий', реконструируется как древнее — ф.-перм. **jimä(-lä)*.

2. Термины пивоварения у волжских народов

2.1. 'пиво': 1) морд. *pure, pu're*; мар. *pujâr, pujro, pürö* 'медовуха, пиво' < чув. *pâra-ca* (< **pâra*) 'выжимки, пиво' (Räsänen 82);

2) мар. *sâra* 'пиво' < чув. *sâra* 'пиво'.

2.2. 'солод': 1) морд. *solod* < рус.; мар. *salat* < либо чув., либо тат. *salat* (< рус.);

2) мар. *polto* 'гуща из солода и муки, применяемая при дублении кожи' Д. Е. Казанцев (1980 : 111) сопоставляет с осет. *балата*, что неправомерно, так

как, прежде всего, такого осетинского слова нет — по крайней мере в словарях В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, но имеются глагол *baldug kânym*, означающий только 'подубить, дубить, разъедать (кожу)' (Миллер 284), и образованное от той же основы, что и осет. ир. *yldyg, äldyg*, диг. *uldug* 'дубление (кустарное)' (Абаев IV 277), означающее, действительно: 1) 'жидкость, в которой вымачивают кожи и овечьи шкуры; готовится из сыворотки, из остатков молока после сбития масла, *из отрубей и пр.'; 2) '*приготовление

кожи в этой жидкости (диг. **улдуг*)' (Миллер 113). Но форма *baldug kânym* внешне напоминает мар. *polto* только потому, что содержит префикс *ba-*, придающий «большую определенность г л а г о л ь н о м у понятию» (Миллер 255). Поскольку, однако, мар. *polto* является не глагольным, а и м е н н ы м корнем и имеет совершенно иное значение, сопоставлять его со вторичным осетинским глаголом *baldug kânym* едва ли возможно. В то же время, данное марийское слово трудно отделить от чув. *pjl* 'мед' (< общетюрк. *bal* 'мед') (Räsänen 59) с его производными: *пылла* 'разбавлять медом, подсластить'; *пылла сара* 'взварец, напиток из пива, сваренного с водкой и подслащенного медом'; *пыл-хывни* 'медовое пиво'; *пылак* 'сладкий; смесь солода с отрубями или мякиной, которая кладется в корчагу для варки пива' (Ашмарин 178—180) — со вполне естественным семантическим переходом 'медовый' > 'сладкий' > мар. 'солод'.

2.3. 'сусло': морд. *suslo*; мар. *susla* < рус. *сусло* (< булг. **suslak* > чув. *âsla*, ср. тел., шорс. *sus-* 'черпать, брать ложкой' (Фасмер III 810)) — или непосредственно из болгарского в мордовский и марийский.

2.4. 'хмель': морд. *komolja, komlja*, мар. *umâla* < чув. *хъмла* (Федоров 1992 : 149).

Итак, в мордовском и марийском языках наблюдаем заимствования — либо русские, либо чувашские.

Заемствование соответствующих терминов из балто-славянских, германских и тюркских языков у рассмотренных финно-угорских народов позволяет говорить о достаточно поздней традиции пивоварения или о достаточно сильном влиянии соседних народов. В связи с этим любопытной оказывается соответствующая терминология в пермских языках.

3. Термины пивоварения у пермских народов

3.1. 'пиво': коми, удм. *sur* < иран. (?) или индоар. (см. выше). Заметим, что данный корень употребляется в значении не только 'пиво', но и 'брага', 'медовуха' и даже 'березовый сок' — *сур ву*. Эта форма, зафиксированная Г. Верещагиным (1886 : 17), уникальна, обычно в удмуртском языке для березового сока употребляется слово *sursvu*, образованное, скорее всего, от того же корня *sur*, что может быть связано с приготовлением из березового сока путем сбраживания алкогольного напитка, т.е. первоначально *sur*, вероятно, имело значение просто 'хмельной напиток', что лучше соответствует значению в возможном языке-источнике (см. выше).

3.2. 'солод': 1) коми *šičž*, удм. *sužjet*. К. Реден возводит данное слово к корню финно-пермской эпохи — *čoše* 'ячмень' (UEW 622). На мой взгляд, не лишено смысла альтернативное предположение о связи его с ур. **čačž* 'рождаться' (UEW 52) при семантическом переходе 'прорасти, проросшее' > 'солод'. Примечательно, что осетинское название солода *zad* близко по семантике, означает 'проросшее'. По этому поводу В. И. Абаев замечает, что «первоначально употреблялось, надо думать, как прилагательное: *zad xor* 'проросшее зерно', со временем субстантивировалось» (Абаев IV 283). Не исключено, что параллелизм не случаен, и здесь можно предполагать кальку с иранского (древнеосетинского).

2) Существует еще одно обозначение солода, которое дополняет финно-пермский ряд слов со значением 'сладкий, солод', восстанавливаемых как **jimä(-lä)* > коми *jum* 'соложеное тесто', удм. *jumal* 'пресный (небродящий), закваска' (см. выше).

3.3. 'сусло': 1) в коми языках представлены различные композиты: комиЗ *šičž-va* букв. 'ячменная вода', *surva* букв. 'пивная вода'; комиП *ružeg va* букв. 'ржаная вода'; коми *šuva* букв. 'хлебная вода';

2) удм. *varš* — ср. осет. диг. *waräs* 'брага' (Абаев IV 89), яское *oras* 'буза' (Немет 20). Имеются также соответствия в некоторых языках Кавказа: абх. *a-waras* 'напиток вроде пива', сван. *woraš* 'сусло для араки'. В. И. Абаев не исключает заимствование данного слова из пермских языков (коми *žręš* 'квас') в аланский и, следовательно, в абхазский и сванский — из аланского. Традиционно коми *žręš* возводят к ур. **irž-* (**ürž-*) 'пить' (UEW 85). Однако эта этимология весьма сомнительна, во-первых, ввиду отсутствия суффикса *-s* в коми языке и, во-вторых, в силу того, что семантика мордовских и самодийских слов, приводимых в качестве параллелей к коми *žręš*, указывает скорее на значение 'пить хмельное, становиться пьяным', тогда как в коми диалектах повсеместное (кроме нижневычегодского 'последний слив пивного сусла') значение — 'квас' (ССКЗД 445; В. В. Напольских, устное сообщение). Проблема, таким образом, остается нерешенной, заметим лишь, что при выяснении связей осет. *waräs* с коми *žręš* и установлении направления заимствования необходимо учитывать наличие удм. *vars*, а также тот факт, что осетинское, коми и удмуртское слова не имеют надежных этимологий.

3.4. 'хмель': коми *tag*; удм. *tug*. Предположение, что «в допермское время в финно-угорском праязыке указанная основа имела значение 'крепость, твердость, сила, основа'» (КЭСК 277), совершенно неубедительно. В то же время это слово трудно отделить от коми *tug* '1. кисть, кисточка (украшение); 2. лента или узкая полоса материи, вплетенная в косу; 3. бахрома' (ССКЗД 379); удм. *tug* 'кисть, кисточка, бахрома' (УРС 425). Ср. осет. ир. *tag*, диг. *tagä* '1. нить, полоса, прядь; 2. лесная полоса, роща'. По Вс. Миллеру, *tagä* имеет также значение 'конопляная нить, перелесок'. К этимологии осетинского слова ср. перс. *tā* 'нить; волосок'; *tāk* 'виноградная лоза'; пехлеви *tāk* 'ветвь, прядь'; шугн. *tōj* 'ветвь', вахан. *rəndag* 'ремешок, ременной пояс' (Абаев III 221); тал. *tāg* 'арбузный лист' (Миллер 1930 : 253); афг. *tāk* 'виноградная лоза', *tāke-čilaj* 'хмель' (РАС 776); в новоиндийских языках: непали, хиндустани *tāgā*, парья *tago*, панджаби *dhagga* 'нить'. За пределами арийского ср. — др.-в.-нем. *tāht*, нем. *Docht* 'шнур, фитиль'. Из осетинского идут чеч., инг. *taj* 'нить'; инг. *taka* 'черта, линия', балк. *tagə* 'прибрежная лесная полоса' (Абаев III 221). Семантический переход 'нить' > 'ветвь' > 'лоза' > 'хмель (вьющееся растение)', а также 'нить' > 'лента, прядь' > 'бахрома' вполне объясним и наблюдается как в иранских, так и в пермских (см. выше) языках.

Займствование двух слов (*sur*, *tug*) из иранских языков усиливает вероятность высказанного предположения о заимствовании удм. *vars'* из иранского языка и о калькировании в случае с коми *čuž*, удм. *čužjet*.

Таким образом, анализируя основную терминологию пивоварения, выявляем мощное иранское влияние на пермские народы.

4. Термины пивоварения у чувашей

4.1. 'пиво': *sāra*. Данный корень представлен во многих тюркских языках: алт., тел., саг., койб., кач., каз. *sīra* 'пиво' (Радлов IV 637) и является, вероятно, заимствованием из индоарийского источника, ср. скр. *sūrā* (см. выше об удм. *sur*).

4.2. 'солод': *salat* < рус.

4.3. 'сусло': 1) *āsla* — возможно, древнее слово (< булг. **suslak* < тюрк. *sus-*, ср. тел., ойр., шорс., кум. *sus-* 'черпать, хлебать', ульч. *susi* то же; от этого же корня тюрк. **suslak* > мар. *suslāk* 'черпак для разливания пива') (Räsänen 1950 : 127).

2) *īrri* — имеет весьма отдаленные и сомнительные монгольские параллели со значением 'молозиво': монг. *уураг*, бур. *уураг*, калм. *уург* (Федоров 1992 : 173).

4.4. 'хмель': *χāmla* < булг. **χumlay*, которое нельзя отделять от слов индоевропейских языков, ср. рус. *хмель* и др.; происхождение данного корня представляет собой не решенную до сих пор проблему (см. Фасмер IV 249—250; Абаев IV 261—262; Räsänen 299).

При рассмотрении терминологии пивоварения у чувашей, народа, имеющего множество «пивных» праздников и обрядов, не обнаруживаем какого-либо серьезного влияния соседних языков на чувашскую лексику, т.е. хорошо сохранена более древняя, часто общетюркская терминология.

5. Дополнительный материал предоставляют праздники, верования и быт волжских, пермских народов, осетин. Сопоставление этих сведений позволяет говорить о более или менее единой культурной традиции, связанной с приготовлением и употреблением пива.

Практически у любого народа те или иные из употребляемых напитков действуют возбуждающе на нервную систему. У рассматриваемых нами народов пиво, брага, кумышка (самогон) фигурируют не только в качестве обыденного напитка, но являются также необходимым элементом жертвоприношений, над ними произносится молитва так же, как это делается и над жертвенной пищей. Так, при праздновании удмуртами *Гуждора* (весенний праздник) «...каждый домохозяин подносит *дзек-нопу* хлеб с положенным на него яичным блином, который *дзек-ноп* и берет к себе в руки; затем домохозяин подносит ему же сначала в большой чашечке пиво или брагу, затем в меньшей — кумышку.» *Дзек-ноп* произносит молитву, после «которой часть пива выливает в костер, часть выпивает сам с помощниками, остатки передает выпить домохозяину» (Первухин 1888 : 35, 36). Так же поступают с кумышкой и хлебом.

Подобное встречаем у коми, марийцев, мордвы и чувашей. У последних на полевом молении — *Учук* — домохозяин «подходит к предстоятелю с принесенным ведром пива, чтобы он благословил. Предстоятель, подчерпнув из ведра пива и держа ковш в руке, произносит: «Сим пивом всею семьею поминаем Тебя, Боже!». Кланяется сам, а за ним и хозяин ведра; испив из ковша немного пива, подает его хозяину, который выпивает ковш. Вслед за-

тем хозяин подносит свое пиво предстоящим людям. Так делает каждый со своим пивом» (Иванов 1897 : 144).

Пиво возливали также и к корням деревьев, так, у мордвы «возатя выливает весь первый ковш на корни священного дерева, а из остальных льет на корни других деревьев, растущих в керемети, стараясь, чтобы на всякой породе дерево непременно было полито хотя несколько жертвенного пива» (Мельников 1867 : 255). К корням дерева лили пиво, кумышку и удмурты при молении *Му-Кылдысину* (Верещагин 1886 : 36; Блинов 1898 : 31).

Одним из главных достоинств женщины у удмуртов считалось умение варить пиво и кумышку. С приготовлением, хранением и употреблением данных напитков связано множество обрядов и поверий. Так, при неудачном изготовлении женщины тайно приносили жертву «черному бесу» — черную, украденную овечку или умершим — черную курицу (Васильев 1906 : 60). Пиво и кумышка использовались удмуртами и как лечебное средство. О священности хлебного вина говорит тот факт, что в воршудном коробе среди почитаемых предметов находилась *лем-нянь* — смесь сливаемых при жертвоприношении пива, браги, кумышки. Кроме того, в *быдзым куале*, на полке, стояли две посуды из бересты, в которые при молении наливали пиво и кумышку. И это было священной принадлежностью куалы, которой никто из посторонних не имел права касаться (Емельянов 1921 : 41).

Обязательно угощение домашнего пивом. Так, марийцы для своего духа-хозяина дома (*сурт-кугыза*) «варят кашу из пива и крупы» (Смирнов 1889 : 209). И, конечно, ни одно поминовение умерших не проходит без употребления этих напитков.

Примечательно, что осетины в отличие от окружающих их северокавказских народов — превосходные пивовары, имеющие давнюю культуру пива. Напиток этот в огромном количестве употреблялся в быту, на праздниках, поминках, использовался в религиозно-ритуальных церемониях. Весь процесс приготовления и потребления был приурочен к определенным праздникам, совершался вблизи святилищ. «Особо торжественным у осетин, как и у их соседей хевсур, пшавов, мтиульцев, был обряд «открытия» сосуда с пивом» (Абаев 1949 : 344).

У мордвы сохранилось любопытное предание, связанное с употреблением пива, — об обычае избивать нетрудоспособных стариков: якобы в древности «в определенное время устраивался особый праздник *пошт(яй) поза* (пиво дедов). Варилось *пуре* (брага) и «зажившегося» старика усердно угощали, затем сажали на лубок перед вырытой ямой, забивали до смерти дубинками и на этом же лубке зарывали в яму» (Смирнов 1894 : 472).

Черты подобного обычая можно проследить в игре «Старик» у коми. Выбирается «старик», которого окружают играющие; девушка, изображающая «попа», задает ему вопросы типа: «Пахал ли ты уже?». В ответ «старик» пытается оправдать свою бездеятельность. Играющие поют припевку:

Ох ты, не кумышки ходите,
У меня старик-то немощной,
Пиво пити-от, сукин сын, не хочет,
Работать-от, сукин сын, не может... (Конаков 1993 : 25)

Все заканчивается избиванием «старика». Разумеется, такая игра предполагает существование реальной основы — обычая, предания.

Аналог этим сюжетам встречается в осетинском фольклоре. В сказании «Как собирались убить старого Урызмага» (Нарты 65) молодые нарты хотят

умертвить старца, напоив его прежде пивом и вином. Урызмаг, зная о своей участи, все же не вправе отказаться от приглашения на пир. Сатана учит его, как избежать опасности, но тем не менее он вынужден обратиться за помощью к нему и к Батразу.

В этих сказаниях и игре отражен отмеченный у многих народов обычай убийства дряхлых стариков, но сюжеты объединяет и наличие алкогольного напитка, а именно — пива как необходимого элемента.

Во многих названиях праздников и обрядов у народов Поволжья и Приуралья определяющим словом является 'пиво' — удм. *Тол сур* (Рождество, букв. 'зимнее пиво'), *Куар сур* (Троица, букв. 'пиво листьев'), *Тулыс сур* 'весеннее пиво', *Сйзыл сур* 'осеннее пиво'; мар. *Шорык йол пура йймаш* (обряд рождественского цикла, букв. 'овечьей ноги (рождественского) пива питье', где *шорык йол*, букв. 'овечья нога' — Рождество); чув. *Кёрсари* 'осеннее пиво', *Сара чйклем* 'пивная жертва', морд. *Ине-чинь пуре* (Пасха, букв. 'пиво Великого дня'). Обязательным для этих праздников и обрядов было моление с пивом и жертвоприношением. Пиво употреблялось в огромном количестве, причем иногда это было пиво, сваренное по особому рецепту. О значимости данных праздников для рассматриваемых народов говорит факт переноса названия праздника на название месяца, в частности у удмуртов, декабрь — *тол-сур* 'зимнее пиво', июнь — *куар сур* 'пиво листьев'.

Интересно существование у народов данного региона праздника под названием 'девичье пиво' или 'девичий пир'. У чувашей — *хәрсәта* — по сообщению В. К. Магницкого (1881 : 235) и Дь. Месароша (Mészáros 1909 : 208) отмечается в разных районах по-разному — либо до Рождества, в декабре, либо на Масленицу. Устраивается праздник девушками в каком-либо доме, куда зовут и парней. Поют специальные песни, пляшут, угощают гостей, а за пиво просят деньги.

По словам К. А. Попова, 1—3 ноября у коми проводится братчина, которая по описанию совпадает с «девичьим пивом». Выбирается староста или хозяин дома, где предполагается справлять праздник. Собираются девушки и молодые люди. Праздник начинают девушки: четыре из них наливают по стакану пива, выходят на середину комнаты, становятся крестообразно и переходя одна к другой навстречу, поют по-зырянски:

<i>Но, но-жо чоіась, чоіась</i>	'Ну-те же сёстры, сёстры!
<i>Но, но-жо іуны, іуны!</i>	Ну-те же пить, пить!
<i>Но, но-жо сіоіны, сіоіны!</i>	Ну-те же есть, есть!
<i>Оні мїань іуны, іуны!</i>	Теперь наше время пить, пить!
<i>Оні мїань сіоіны, сіоіны!</i>	Теперь наше время есть, есть!
<i>Воля, воля вошо, вошо,</i>	Воля, воля потеряется, потеряется,
<i>Мужа дома нѣту, нѣту!</i>	Мужа дома нету, нету!
<i>Тагіеі, тагіеі кокнедысеі!</i>	Хмель, хмель облегчающий!
<i>Ніаніеі, ніаніеі меведысеі!</i>	Хмель, хмель приголубливающий!...

(Попов 1874 : 65—66)

Девушки пьют пиво, угощают молодых людей, которые за пиво кладут деньги в стакан.

Аналогичный праздник существовал и у мордвы — *тейтерень пуре* 'девичье пиво', проводился он 1 октября. В один из домов деревни девушки приносили различные кушанья и пиво, которыми угощали приглашенных парней, танцевали и пели специальные песни (MV 522—523).

У осетин девичий праздник называется «сиденьем девушек ради Ма-

тери Марии» и проводится осенью. Девушки собираются у какой-нибудь старухи, приносят с собой пресные чуреки по числу девиц. Старшая из них берет чурек и произносит молитвы Матери Марии с просьбой о ниспослании жениха, *Бана-ты-хицау* — об избавлении от чар дурных женщин и *Аларде* — о предохранении от оспы (Красильников 1919 : 42).

Конечно, необходимо учитывать прежде всего влияние славянской (русской) и тюркской (древнебулгарской) традиций на культуру пива у финно-угров Поволжья и Приуралья, но, думается, на основании приведенного материала можно предполагать и существование более древнего — иранского — пласта заимствований, как лексических, так и культурных.

Список сокращений

абх. — абхазский; **авест.** — авестинский; **алт.** — алтайский; **афг.** — афганский; **балк.** — балкарский; **булг.** — болгарский; **бур.** — бурятский; **вахан.** — ваханский; **диг.** — дигорский диалект осетинского языка; **др.-в.-нем.** — древневерхненемецкий; **инг.** — ингушский; **индоар.** — индоарийский; **ир.** — иронский диалект осетинского языка; **калм.** — калмыцкий; **кач.** — качинское наречие (тюркское; Радлов); **койб.** — койбальское наречие (тюркское; Радлов); **кум.** — кумыкский; **ойр.** — ойротский; **саг.** — сагайское наречие (тюркское; Радлов); **сван.** — сванский; **сканд.** — скандинавский; **скр.** — санскрит; **тал.** — талышский; **тел.** — телеутское наречие (тюркское; Радлов); **ульч.** — ульчский; **чеч.** — чеченский; **шорс.** — шорский; **шугн.** — шугнанский.

Абаев — В. И. Абаев, Историко-этимологический словарь осетинского языка, Москва—Ленинград 1949; **Ашмарин** — Н. И. Ашмарин, Словарь чувашского языка, вып. 9, Чебоксары 1935; **Миллер** — Вс. Ф. Миллер, Осетинско-русско-немецкий словарь. Под ред. и с дополнениями А. А. Фреймана, т. 1, Ленинград 1927; **Немет** — Ю. Немет, Список слов на языке ясов венгерских алан, Орджоникидзе 1960; **Радлов** — В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. 1—4, Санкт-Петербург 1893—1911; **РАС** — Русско-афганский словарь (пушту), Москва 1973; **УРС** — Удмуртско-русский словарь, Москва 1983; **Фасмер** — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, Москва 1986—1987; **MV** — Mordwinische Volksdichtung, Band 5, Helsinki 1977; **Räsänen** — M. Räsänen, Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen, Helsinki 1969.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев** В. И. 1949, Осетинский язык и фольклор, Москва—Ленинград.
Блинов Н. Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
Васильев И. 1906, Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губернии, Казань.
Верещагин Гр. Е. 1886, Вотяки Сосновского края. — Записки императорского русского Географического общества по отд. этнографии, т. 19, вып. 2, Санкт-Петербург.
Емельянов А. И. 1921, Курс по этнографии вотяков, вып. 3, Казань.
Иванов А. 1897, Чувашский праздник Синзя и полевое моление о дожде и урожае. — Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. 14, вып. 2, Казань.
Казанцев Д. Е. 1980, К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык. — Вопросы грамматики и лексикологии, Йошкар-Ола.
Кондаков Н. Д. 1993, От Святков до Сочельника, Сыктывкар.
Красильников Ф. С. 1919, Кавказ и его обитатели. Географическо-этнографический очерк, Москва.
Магницкий В. К. 1881, Материалы к объяснению старой чувашской веры, Казань.
Мельников П. 1867, Очерки мордвы. — Русский вестник, т. 71.
Миллер Б. В. 1930, Талышские тексты, Москва.
Нарты. Осетинский героический эпос, кн. 3. Сост. Т. А. Хамицаева, А. Х. Бязыров, В. И. Абаев, Москва 1991.
Первухин Н. 1888, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I, Вятка.

- П о п о в К. А. 1874, Зыряне и зырянский край, Москва.
С м и р н о в И. Н. 1889, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань.
— 1894, Мордва — историко-этнографический очерк. — Известия Общества археологии, истории и этнографии, т. 11, вып. 6, Казань.
Ф е д о р о в М. Р. 1992, Материалы к историко-этимологическому словарю чувашско-го языка, Чебоксары.
J o k i, A. J. 1973, Uralier und Indogermanen, Helsinki (MSFOu 151).
M é s z á r o s Gy. 1909, A csuvás ősvallás emlékei, Budapest (Csuvás népköltési gyűjtemény, 1. kötet).
R ä s ä n e n, M. 1950, Beiträge zu den altaisch-slavischen Berührungen. — Commentationes Fenno-Ugricae in honorem Y. H. Toivonen, Helsinki (JSFOu XCVIII).
R é d e i K. 1986, Zu dem indogermanisch-uralischen Sprachkontakten, Wien.

NATALJA BORLUKOVA (Iževsk)

ON THE ETYMOLOGY OF THE UDMURT *sur* 'BEER'

The terminology of brewing in the Finno-Ugric languages of the Volga-Urals region and in Chuvash is considered. The Iranian etymologies of the Udmurt *vars* 'wash' and the Proto-Permian **tag* 'hop' are suggested. It is concluded that Iranian has had a strong influence on the terminology of beer culture of Permian peoples.